

Классификация видов консерватизма. Новая версия

Декартовский «субъект» положил начало Новому времени. В зависимости от того, кто или что ассоциируется с этим субъектом, возникают три большие идеологии.

Там, где субъект – отдельная человеческая личность, индивидуум, мы имеем дело с так называемыми индивидуализмом, либерализмом, анархизмом. Сразу оговоримся, что названия условные, так как различные идеологии выпячивают ту или иную черту идеологии. «Любимыми» темами этой идеологии являются:

- признание свобод и прав и борьба за них;
- права меньшинств вплоть до индивидуальности;
- потребительство (потребности, счастье и удовольствие индивида есть крайняя цель);
- право на аборты;
- право на эвтаназию;
- право на выбор пола;
- право на выбор сексуального удовольствия;
- ненависть к государству;
- ненависть к армии;
- ненависть к церкви, религии любого рода;
- видение истории как прогресса свободы, эмансипации, удовольствия и удовлетворения потребностей;
- отстаивание права на частную жизнь;
- право на коммерческую тайну;
- право на самооборону и пр.;
- в экономике – максимально свободный рынок;
- в политике – либо крайний элитизм и презрение к демократии, крайний анти-

этатизм или представительная и максимально прямая демократия с ограничением прав большинства и широкой представленностью всех возможных меньшинств; анти-традиционность, провокационность, постоянная готовность к протесту против любых норм, вмешательств и навязываний;

- борьба с «перенаселенностью» планеты, тема «нехватки» ресурсов;
- любая этика держится не на долге, а на счастье, свободе и удовольствии индивидуума;

– эстетика держится на удовольствии индивидуума, на «эффекте переживания» и на проявлении индивидуальной оригинальности и конфликте с любыми традициями, канонами и нормами.

Там же, где субъект – это прежде всего общество, расширенное до человечества, мы имеем дело с социализмом, коммунизмом. Еще раз повторю, что названия условные. «Любимые» темы этой идеологии:

- борьба с эксплуатацией человека человеком, любыми формами неравенства;
- социальные гарантии (медицина, образование, пенсии);
- борьба с бедностью;
- культ науки и техники, технический прогресс как средство решение проблемы «нехватки ресурсов» и «перенаселения»;
- интересы общества и будущих поколений есть основание этики. Основное слово этики – долг, основная награда – прижизненная или посмертная слава, общественное признание вклада в дело эмансипации человечества;
- искусство, несущее общественную функцию, часто идеологическую и воспитательную;

- повышенное внимание к средствам информации и коммуникации; прозрачность, открытость, транспарентность и общественный контроль абсолютно во всех сферах жизни;

- негативное отношение к частной собственности, в том числе к интеллектуальной собственности, авторскому праву и пр.;

- борьба с индивидуализмом, эгоизмом;

- борьба с нарушениями социальных норм, хулиганством, преступностью;

- борьба с «паразитарными» социальными институтами (церковь), классом рантье, аристократией, недоверие к художественной и гуманитарной интеллигенции, чей вклад в общество трудно оценить;

- в экономике – общественно-обоснованный план;

- в политике – демократия большинства, чаще плебисцитарная, демонстрация любых форм солидарности;

- высокая оценка роли государства как органа планирования и управления, выразителя общественных интересов, но низкая оценка государства как инструмента эксплуатации.

Там, где субъект трансисторичен и трансчеловечен, как, например, Бог или какой-то иной абсолют, мы можем говорить о так называемом «консерватизме», хотя этот ярлык придумали либералы, чтоб выставить себя сторонниками, а своих противников – «тормозами прогресса», но оставим пока это имя для лучшей понятности. Видов консерватизма гораздо больше, чем либерализма и коммунизма, потому что разнообразны трансисторические субъекты и связанные с ними религии и идеологии.

Любимые темы консерваторов:

- традиции, ритуалы, духовные ценности, в зависимости от признаваемых религий;

- этика, но трансцендентного происхождения, а не человеческая, то есть заповеди, миссия человека, назначение движения истории; основной вопрос этики – спасение и выполнение предназначения, духовное развитие, реализация трансцендентного смысла;

- настороженное отношение к техническому прогрессу;

- настороженное отношение к правам человека самим по себе, вне связи с трансцендентной реальностью;

- сакрализация роли государства, церкви, культа;

- категорическое неприятие самоубийств, эвтаназии, абортот;

- настороженное отношение к человеческому или общественному и государственному планированию;

- борьба за свободу совести, в том числе от посягательств государства и общества;

- в экономике – принцип разумной достаточности, пренебрежение материальным и подчинение экономики культурному, духовному и религиозному, экономика есть средство для создания выдающегося и великого в культуре и трансчеловеческой области;

- в политике – чаще всего монархия, различные виды теократии;

- революции признаются в духовной и личной сфере как саморазвитие, общество же вообще может быть неизменным, традиционным и статичным и обеспечивать духовную жизнь.

Каждая из трех идеологий, как правило, видит две другие, ей противоположные, в одном цвете, не особо различая. Так, либералы клеймят и консерватизм, и коммунизм единым словом «тоталитаризм» и видят в них всего лишь разновидности этого тоталитаризма. Коммунисты видят в либералах и консерваторах единый феномен. Либо консервативная идеология видится всего лишь обслугой или ширмой либерального капитала, либо либерализм произведен от крайне антиобщественных религиозных взглядов («жидомасоны» и т.п.). Наконец, консерваторы видят в либерализме и коммунизме одну и ту же идеологию атеизма, попытку сделать богом только человека, построить царство Божие на земле, отрицать трансцендентные духовные измерения и погрязть в разновидностях материализма и гедонизма.

Кроме трех означенных крайних вариантов идеологий возможны еще три микса и несколько промежуточных вариантов между миксами, в зависимости от того, как тактически и исторически три вышеозначенные идеологии заключали между собой союзы.

В истории эти обозначенные идеологии в истом виде встречаются редко, а чаще – в виде миксов друг с другом и промежуточных вариантов.

Первый микс – это либерал-социализм, если так можно выразиться. А также все промежуточные позиции между либерализмом и социализмом. Чистый либерал-социализм характерен негативным отношением к любому консерватизму, к религии, церкви, государству, традициям и духовным ценностям. Он берет у социалистов веру в общественный и технический прогресс, уделяет огромное внимание средствам коммуникации, любит протест и революционность. Не чужд мерам социальной защиты и правам меньшинств. Аналоги из ближайшего столетия – это либеральный коммунизм Троцкого – Ленина, сегодня это еврокоммунизм, идеология политкорректности, толерантности, либеральная демократия в США и Европе, с их широкой базой социальных прав и гарантий и бюрократией. Но это микс с уклоном в либерализм. Если же уклон более социальный, то есть за субъект берется не человечество в целом, а отдельный народ, нация или раса, то мы имеем дело с разновидностями национализма и фашизма (особенно в их атеистическом, материалистическом варианте, лишенном трансцендентного измерения). Тогда к любимым темам такой идеологии добавляется тема демографии, сбережения и роста народа, войны (а значит, и тема милитаризма) за жизненное пространство, внутринациональной и расовой солидарности.

Второй микс – либерал-консерватизм. Права человека и свободы, которые чтит либерализм, понимаются как данные Богом, накопление богатства, достижение успеха в политике в обществе и пр. воспринимаются как божественное или религиозное служение или как средство спасения. Государство призвано охранять права и свободы в первую очередь и само либо является реализацией идеи свободы, как это было в идеологии либерал-консерваторов вроде Черчилля или Рейгана, либо имеет божественную, сакральную основу, а рынок и свобода личности есть просто наиболее адекватное общественное устройство в условиях конечности человеческого бытия,

которое не имеет права замахиваться на строительство рая на Земле, на всеобщее планирование и вообще подменять Бога человеком. Так, например, обосновывал борьбу с социалистами Франко.

Третий микс – социал-консерватизм. Здесь выполнение именно социальных норм и справедливая жизнь считаются священной и религиозной обязанностью. Взаимопомощь не из прагматизма и общественного долга, а из религиозного и традиционного долга или в целях спасения; распространенность коллективных действий, ритуалов. Жертвенность, общинность, массовый героизм или массовый подвиг. Государство-корпорация строится по принципу государства-монастыря, так как идеальные или идеологические и духовные стимулы к труду преобладают над материальными и прагматичными. Бытовая экономика функционирует по принципу разумной достаточности, отрицается роскошь. И в экономике, и в политике преобладают коллективные действия и проекты, носящие печать идеологии, поэтому господствует гигантомания, а не принципы прагматизма и удобства. Общественный и технический прогресс признается в отличие от чисто консервативных идеологий. Исторический аналог: Российская империя XIX века, особенно в период правления Александра Третьего. Из недавнего прошлого: СССР Сталина. Он, собственно, и демонстрирует переход от либерально-социалистического микса троцкизма-ленинизма к коммуно-консервативному. Недаром в позднем сталинском социализме и в период войны было реабилитировано православие. Безусловно, что идеология Александра Третьего – это больше уклон в консерватизм, а позднесталинская идеология – больше уклон в социализм, но это один и тот же микс.

Таким образом, мы выделили шесть идеологий Нового времени. Нельзя их путать с политическими режимами и способами государственного устройства. В зависимости от политических традиций и исторического момента эти идеологии имеют разные названия. Например, американские республиканцы в этой классификации – типичные либерал-консерваторы, а демократы – либерал-социалисты. Тори в Великобритании также либерал-консерваторы,

а виги – либерал-социалисты. В Латинской Америке мы видим социал-консерватизм под маской христианского социализма. Таким же поворотом к социал-консерватизму отмечена политика Путина, пришедшая на смену либеральному консерватизму 2000-х и либерал-социализму и либерализму 1990-х. Из шести выделенных идеологий и миксов три задействуют слово «консерватизм», и их место в общем и целом в идеологической системе Нового времени понятно.

Но наш анализ был бы не полон, если бы мы взяли только одну – рационалистическую философскую традицию Нового времени. Вместе с концептом декартовского «субъекта» в Новое время естественным образом развивается и «свое иное» – то есть традиция антисубъективизма во всех его проявлениях. Этот антисубъективизм может выглядеть как недофилософия, которая не имеет самостоятельного значения без того, что она отрицает. Но поскольку массовое сознание склонно к такой недофилософии, а именно оно зачастую оказывается решающим во всемирно-исторических событиях, то игнорировать популярные идеологии антисубъективизма невозможно.

Средневековое мировоззрение держалось на триаде: Бог – Царь (государь) – Отец (муж, мужчина). В Новое время эти ипостаси были перетолкованы в соответствии с рационалистической философией субъекта. То есть Бог стал абсолютным духом, субъект-субстанцией; государь – субъектом-сувереном; отец, мужчина – преимущественным носителем политических и экономических прав. Таким образом, средневековое мировоззрение было включено и снято в философии Нового времени.

Но с этим не согласилось мировоззрение эпохи Просвещения – поп-версия философии Нового времени и крайняя оппозиция любым элементам средневекового мировоззрения. Так, в философии Просвещения появляются три фронта против традиционных локализаций субъективности.

Первый – атеизм, он же материализм, борьба с трансцендентным субъектом, с божественным и священным в любом его проявлении, особенно в проявлении именно субъекта – отца или Бога-Вседержителя. Такой атеизм готов признавать материю, природу, стихийность атомов и энергии, но

не «руководящий и направляющий», а тем более личностный трансцендентный первопринцип. Поскольку ученые все же изучают порядок материи, то наука может так же объявляться человеческим институтом и порождением разума, а в «вещах в себе» можно подозревать царство случая и неопределенности и исповедовать не атеизм, а агностицизм. Атеизм и агностицизм особенно органичны чистому либерализму и в значительной мере чистому социализму и либерал-социальным миксам.

Второй фронт – это антимонархизм, демократизм, анархизм, парламентаризм в крайних его выражениях. Суть фронта в противостоянии. Фигуре царя, суверена, государя, любого лица, которому в той или иной степени принадлежит верховная власть. На первых этапах речь шла о войне с монархией и десакрализации образа верховной власти. Если монарх сохранялся, то его полномочия становились символическими и перераспределялись в пользу стихийного парламента, источником верховной власти объявлялся народ. Здесь, как и в случае с материей, важно, чтобы верховная власть носила безличностный характер, либо вообще отрицалась, как в анархизме, в пользу прямой демократии или революционной стихии, или в умеренном варианте – в пользу общественного договора. Этот фронт наиболее ценим представителями социалистических идеологий и миксов.

Третий фронт – это фронт против фигуры Отца, против семьи и против мужественности и мускулинности как таковых. Этот фронт рекрутирует в себя феминизм, движение поддержки ювенальной юстиции, движение сексуального просвещения, ЛГБТ-движение, чайлд-фри движение, различные виды нон-персонализма, как правило, психологического или религиозно-эзотерического толка. Просвещение начинает здесь с суфражизма, с требования равных избирательных прав мужчин и женщин, потом выступает против семьи как способа «закабаления женщины», потом требует права быстрых разводов и алиментов, а дальше переходит к атаке на традиционную семью, узакониванию гей и лесби-браков, навязывает моду на унисекс или метросексуализм в противовес мачизму. Заканчивается всё идео-

логией полной деперсонализации: сколько людей – столько и полов – и деперсонализацией – личности нет, есть стихии аффектов, энергий и пр.

В соответствии с этими тремя фронтами мы можем видеть и три консервативных варианта сопротивления.

Первый консервативный фронт – это религиозный консерватизм, теизм, формы религиозного сознания, разнообразные виды церкви. Причем церковные и общинные варианты вовсе не обязательны, теизм может быть и вполне «научным» и индивидуальным. Так, многие великие ученые – Ньютон, Дарвин, Эйнштейн – были субъективно теистами или деистами. В конце концов, наука открывает мировые законы и порядок, а крайний атеизм и антиперсонализм предполагает полное царство случая и стихий. Такие ученые, которые не считают науку только человеческим институтом на манер Канта и постпозитивистов, а верят в то, что они изучают так называемую объективную истину, даже часто солидаризируются с религиозными и церковными кругами, с богословами и теологами разных конфессий.

Второй консервативный фронт – это политический консерватизм. Чаще всего он подкрепляется религиозным, но острее его критики сосредоточено на демократии и ее проявлениях, на революции во всех ее видах, на парламентаризме и его издержках. Он жестко критикует все революции в пользу эволюции и легитимных процедур смен власти, критикует любые проявления прямой демократии, в том числе электронной и любые горизонтальные и сетевые стихийные организации в пользу вертикально ориентированных. Политический консерватизм – апологет монархии, крайних форм этатизма, часто – теократии. В современном мире, апологет сильной президентской власти или власти любого другого главы государства, увеличения сроков правления, отмены ограничений на количество избранных и пр.

Наконец, третий консервативный фронт – это, если будет позволено так выразиться, бытовой консерватизм. Он связан с отстаиванием так называемых «традиционных ценностей», под которыми чаще всего подразумеваются ценности традиционной семьи, распределение половых семейных

ролей и прежде всего мужчины как отца – главы семьи, добытчика, а женщины как матери и домохозяйки. Так же традиционный консерватизм подразумевает обязательное почтительное отношение к родителям и их первенство в воспитании, а не делегирование этого вопроса школе, органам опеки и пр. Бытовой консерватизм выступает за многодетные семьи, за затруднение возможности разводов и, конечно же, он против сексуальных девиаций и нетрадиционных видов семьи – «шведской» или ЛГБТ. Исключением является традиционное для некоторых исламских стран многоженство. Бытовой консерватизм поддерживает в принципе культ мужчины, мужчины – воина, борца, предпринимателя, творческой, ответственной, сильной личности против любых феминизаций и унисексуализаций образа мужчины. Естественно, бытовой консерватизм выступает против любых форм нон-персонализма, от эзотерического до постмодернистского.

Важно отметить историческую динамику взаимоотношения этих антисубъективистских и консервативных фронтов. Просвещение предполагало, что в триаде Бог – Царь – Отец главным и ведущим является Бог. Дескать, традиционная политическая система держится на освященном религией пьедестале, то же относится и к традиционной семье. И достаточно разрушить религию, церковь, как тут же рухнет и всё остальное: если Бога нет, то все позволено. Поэтому первый удар Просвещение наносило по религии и церкви и по теизму. Несколько позже исторически началась эпоха революций и «отрубания голов» монархам. Наступление на Отца, традиционную семью и особенно на «мужественность» началось исторически совсем недавно.

Однако есть все основания предполагать, что именно эта последняя историческая атака и является наиболее опасной для консерватизма, крайним бастионом обороны. То есть дело обстоит не так, что всё держалось на фигуре Бога – и царь, и семья, – а скорее сам концепт Бога был понятен и воспринимался через призму Отца и Царя, особенно в концепте Отца как наиболее близкого и знакомого, укорененного в бессознательном и микро-практиках. Даже в традиционных обществах религиоз-

ная жизнь и отправление культов занимают один день в неделю и один-два часа в день, политическая жизнь так же – только когда речь идет о применении законов и текущем управлении, судах, отношениях собственности. Большая часть жизни протекает скорее в кругу семьи, особенно в период формирования личности. Поэтому о политических и религиозных принципах и устройстве судят по аналогии с семейным устройством, и семейные микро-практики и отношения власти, пронизанные религиозным мировоззрением, остаются надолго даже в отрыве от этого мировоззрения. Часто можно заметить, что нарушение отношений на уровне семьи (например, безотцовщина как крайний вариант) ведет к нарушению отношений с обществом и властью (криминальные и революционные элементы часто из семей без отцов) и отношений с Богом и церковью и традиционной сферой, они мыслятся как несуществующие или придуманные или карающие, но не живые – человеческие, пронизанные уважением и благодарностью к прародителю.

В свое время первые атеисты настаивали на том, что нравственным человеком можно быть и без Бога, они показывали на безусловно порядочных людей, которые провозглашали свой атеизм, как на образец такой нерелигиозной нравственности и светской этики. Аналогично позже Просвещение демонстрировало, что можно быть гражданином государства и слугой народа без всякой трансцендентной этики и без этики «служения государю», без всяких «законов чести» и прочих консервативных мотиваций. Указывалось на гражданский героизм советских людей в период Отечественной войны – большая часть героев была со знательными коммунистами и атеистами. Однако во всех этих случаях мы забываем, что люди еще поколениями воспитывались в традиционной семье с ее традиционными консервативными микро-практиками и, по сути, еще религиозной этикой и правилами, религиозное происхождение которых было скрыто от самих носителей.

Человек может быть поверхностным атеистом и демократом, потому что так учат в школе и потому что так говорят средства массовой информации, но благодаря традиционному семейному воспитанию

он по своим паттернам поведения ничем не отличается от человека, воспитанного в религиозной и монархической среде. Для них обоих будут важны слова «честь» и «честность», понятны слова «долг», «благодарность», «уважение», почитание иерархии, потому что это было тождественно в их семьях. В современном же мире, где предпринята атака на традиционную семью, когда растет количество разводов, детей без родителей, детей с нетрадиционными родителями и так далее, автоматически растет количество преступников, коррупционеров, лжепредпринимателей, отмирают гражданские добродетели, растет пацифизм и аполитизм, начинают процветать неперсоналистские, синкретические, эзотерические и сатанистские нью-эйджевские культы и религиозные мировоззрения. Оказалось, что «смерть Кашея», то есть в данном случае консерватизма, находится вовсе не в концепте Бога, а в концепте Отца и Мужчины, в концепте Личности.

Именно атака на семью, отца, мужчину позволяет разрушить всё традиционное общественное здание вместе с его государственными институтами, законами и пр. и их идеологическим обоснованием, в конечном счете всегда религиозным. Разрушение идет в пользу анархических горизонтальных экономических и политических связей, медийных стихий и сетей, атомарных и случайных отношений.

Поскольку именно в семейной сфере находится центр и нерв общественного устройства, там происходит выбор между моделями развития и устройства общества, там основной фронт борьбы Добра и Зла. Пока богословы находят общий язык с учеными, а политические консерваторы ведут дискуссии с демократами в парламентах и на ток-шоу, настоящие войны разгораются по поводу ювенальной юстиции и отношению к ЛГБТ-сообществу, настоящие войны идут в семьях по поводу воспитания детей, по поводу семейных обязанностей и т.п. И с одной стороны есть сила традиционного бытового консерватизма и унаследованные паттерны и влияние консервативных идеологий, а с другой – влияние глянцевого журнала, масс-медиа и разлагающихся элементов традиции, свободных

радикалов, ибо один пострадавший в этой войне на личностном уровне стремится заразить других.

Какни странно, именно недооцениваемый интеллектуалами консерваторами «бытовой консерватизм» является самым главным оплотом консерватизма, что отлично понимают враги консерватизма и бьют именно в традиционные семейные ценности. Современный консерватизм, во всех его видах, если он хочет выжить и спасти себя, должен всю свою энергию направить именно на этот фронт. Политический консерватизм должен озаботиться принятием законов, связанных с укреплением традиционной семьи, церковь должна сказать свое веское и строгое слово, а не потворствовать «современным веяниям», переводя на церковный язык идеологию постмодернизма (вместо «все люди

разные и надо вести себя политкорректно с уважением к их различиям» говорят «все люди грешные и кто мы такие, чтобы судить другого за его грехи»).

Правильно выбрать точку приложения усилия и прорыва это значит правильно направить энергию борьбы миллиардов людей в мире. В свое время Рональд Рейган сумел выиграть борьбу либерализма с коммунизмом, перетянув себе в союзники консерватизм и начав рассуждать в терминах мирового добра и зла. Сегодня Владимир Путин мгновенно получил поддержку сотен миллионов людей во всем мире, консервативного бытового большинства, выступив в защиту традиционных ценностей против пропаганды ЛГБТ. Это значит, что нащупан правильный нерв, надо расширить и увеличить усилия в этом и смежном направлениях.